

Прощаясь с ними, Сунцзин обещал писать. Минну долго надеялся получить от него весточку, но с тех пор, как старший брат ушёл, от него не пришло ни единого слова.

Они лишь слышали от старейшины Сюймэня, что Сунцзин вошёл в первую десятку на вступительных испытаниях и был принят в один из четырёх великих бессмертных орденов. О том, как сложилась его судьба дальше, вестей не было.

Что же касается Меча Пресечения Душ, Минну неизменно носил его с собой. Оружие исправно служило ему в бою, но так и не признало в нём своего истинного хозяина.

Три года пролетели незаметно. Время это далось Минну нелегко: его духовный путь оборвался, и совершенствование пришлось начинать с самых азов. В Академию Пути Меча ежегодно съезжались одарённые юноши со всех уголков Поднебесной. Чтобы не отставать от них, Минну трудился не покладая рук — уходил на тренировки на рассвете, возвращался за полночь, невзирая на пронизывающий ветер и проливные дожди.

Время шло, и если поначалу на каждом испытании он неизменно оказывался в самом конце списка, то теперь его успехи крепили день от дня, и оценки на тренировках становились всё более достойными.

— Цзянь Минну! — донёсся звонкий голос откуда-то издалека, со стороны тянувшихся к горизонту горных хребтов.

Окликнутый юноша шёл впереди. Ему исполнилось уже около восемнадцати лет. Пророчество Сунцзина сбылось в полной мере: в детстве этот мальчик обещал стать неопишуемым красавцем, теперь же его красота расцвела в полную силу.

Юноша в белых одеждах обернулся. Простое ученическое облачение из тонкого светлого шёлка мягко облегал его стройную, изящную фигуру. Черты лица поражали утончённостью и благородством, а глаза сияли подобно далёким звёздам в ночном небе. Из-под пушистых ресниц струился мягкий взор, глубокий и прозрачный, словно чистый горный источник, — взгляд, способный без труда пленить любое сердце.

Аккуратный, точёный носик гармонировал с алыми губами, чей оттенок напоминал лепестки мартовского персика, тронутые яркой киноварью. Каждое движение его лица, каждая мимолётная улыбка дышали пленительным очарованием.

За спиной у него покоился меч в ножнах цвета молодой бирюзы. Несмотря на облачение заклинателя, в нём не чувствовалось ни капли грозной духовной силы. Напротив, его мягкий взгляд и едва заметная тёплая улыбка излучали безграничную кротость.

— Нанькэ, что-то случилось? — его голос, прежде по-детски мягкий, окреп, обрёл глубину и теперь звучал чарующе, точно едва уловимый перебор струн или шелест весеннего лотоса.

Нанькэ невольно ловил себя на мысли, что Цзянь Минну очень повезло родиться мужчиной. Будь он девушкой, столь невероятная красота и чарующий голос наверняка сводили бы с ума толпы поклонников.

— Старейшина велел тебе и Ли Сяохо немедленно явиться к нему.

— Моё дело было разыскать тебя, а ты уж найди Ли Сяохо.

Тот вечно пропадал неведь где, и дозваться его не мог никто, кроме Минну.

Едва эти слова сорвались с губ Нанькэ, как из-за пышного персикового дерева послышался шорох, и на свет скользнула тёмная фигура. За прошедшие три года Ли Сяохо заметно вытянулся, хотя в остальном мало изменился.

Он по-прежнему носил пугающую маску младенца-призрака, скрывавшую его лицо от любопытных глаз. Лишь сквозь прорези поблёскивал глубокий, сосредоточенный взгляд. Своим мрачным видом он резко выделялся на общем фоне. Тёмные одежды с алым воротом сидели на нём идеально, а голос, хоть и остался хрипловатым, с годами обрёл благородную глубину.

— Я здесь, — глухо отозвался он.

Цзянь Минну, который проводил с нелюдимым юношей дни напролёт и давно привык к его причудам, тепло улыбнулся Нанькэ:

— Спасибо, что разыскал нас. Мы сейчас же пойдём к старейшине.

Попрощавшись с Нанькэ, они двинулись по тропе. По дороге Минну вслух размышлял:

— Старейшина ведь уже велел нам отправляться в округ Личжоу для истребления скверны, а оттуда ехать прямо на Великое состязание бессмертных орденов. Зачем мы понадобились ему снова? Неужели планы изменились?

Ли Сяохо промолчал — верный знак того, что он тоже ничего не знал. Минну давно привык к молчаливости спутника. Шаг за шагом они поднялись к залу старейшины и один за другим переступили порог.

Когда-то давно, когда Поместье Цзянь требовало вернуть Минну домой, а Сунцзин настоял на том, чтобы оставить юношу в академии, старейшина Сюймэнь сильно тревожился. Но время шло, из поместья Цзянь больше никого не присылали, а упорство и трудолюбие Минну были у всех на виду, так что сомневаться в правильности этого решения больше не приходилось.

— Приветствуем старейшину, — Минну почтительно поклонился, сложив руки в ученическом

приветствии.

— Оставьте церемонии, — отозвался старейшина Сюймэнь. — Я позвал вас, потому что пришли новые известия. Вам придётся отправиться в путь уже завтра на рассвете.

Он протянул им недавно доставленное письмо:

— На этот раз в округе Личжоу творится нечто большее, чем обычные бесчинства нечисти. Похоже, за этим стоят влиятельные заговорщики из великих семей заклинателей. Будьте предельно осторожны.

Минну развернул послание, отправленное кем-то из старших учеников академии. В округе Личжоу одна за другой происходили жуткие расправы. Последнее убийство случилось буквально накануне: тварь за одну ночь лишила жизни одиннадцать человек, вырезав всю семью до единого.

— В тех краях несёт службу местный истребитель скверны, — продолжал старейшина. — Однако в последнее время между ними и праведными орденами наметился разлад, из-за чего расследование дела зашло в тупик. Академия взяла это бремя на себя, и я поручаю его вам. Пусть это станет вашим последним деянием на благо нашей обители перед тем, как вы покинете её стены.

— К тому же, вы будете там не одни. Ожидается прибытие молодых заклинателей из великих семей: Инь, Юй, Мэй... и Поместье Цзян из Цзяньчжоу.

Услышав о Поместье Цзян из Цзяньчжоу, Минну замер. Единственным молодым преемником этой семьи был Цзянь Сюэхэ. Юноша так давно не слышал этого имени, что пальцы, сжимавшие край письма, невольно напряглись, слегка измяв бумагу.

«Хотя нет... Кого я обманываю? Конечно же, я слышал о нём»

Три года назад Цзянь Сюэхэ получил тяжелейшие раны и долго балансировал на грани жизни и смерти. Почти полгода о нём не было ни слуху ни духу, но едва он оправился, как мир наводнили слухи о его невероятных подвигах.

Говорили, что он в одиночку истребил нечисть в Фэнчжоу, одним ударом разрубил свирепого речного призрака и прославил своё имя на берегах великой реки. Его духовные силы возросли настолько, что он сумел пробиться в шестое небесное царство, став самым молодым мастером этого уровня. А полгода назад его с почестями приняли в орден Фугуан — величайший среди четырёх столпов праведного пути.

Цзянь Сюэхэ... Там, где Минну не мог его видеть, этот человек, вопреки всем невзгодам и смертельным опасностям, стремительно восходил к вершинам славы, превращаясь в

недостижимый идеал для простых смертных.

И всё же в этой жизни его триумф наступил чуть позже, чем в прошлой. В той, прежней судьбе, к этому времени Сюэхэ уже числился личным учеником главы праведных орденов.

Минну полагал, что за три года разлуки былая боль утихла, но стоило лишь мельком упомянуть Поместье Цзян, как перед мысленным взором мгновенно возник образ названного брата, а в груди поднялась буря противоречивых чувств.

— Нам известно что-нибудь ещё? — как можно спокойнее спросил Минну.

— Пока это всё, — ответил старейшина Сюймэнь. — В Девяти провинциях судачат, будто во всём виновно Призрачное божество Посо... Говорят, следы всех последних бесчинств ведут именно к нему.

— Со всем остальным вам придётся разбираться на месте. Прошу вас, не теряйте бдительности.

— Мы всё поняли. Благодарим за предостережение, старейшина, — Минну склонился в поклоне. Старейшина Сюймэнь, глядя на стоявших перед ним юношей, лишь тихо вздохнул.

— Время бежит неумолимо... Минну, никогда не забывай слова, что оставил тебе твой старший брат: твоя жизнь — главная ценность. Не лезь на рожон и береги себя.

Оба юноши согласно склонили головы. Старейшина Сюймэнь взмахнул широким рукавом, отпуская их.

Когда они вышли из зала, вокруг зашумела молодая бамбуковая роща, колеблемая лёгким ветром. За три года этот шорох стал для Минну привычным. Он полагал, что у них будет пара дней на сборы, но из слов наставника стало ясно: выступать нужно немедленно.

Минну скользнул взглядом по кружащимся в воздухе зелёным листьям. Этой тропой он ходил бессчётное количество раз, и теперь его сердце сжала лёгкая грусть. Похоже, уходя сегодня, он покидал эту тихую обитель навсегда.

— Ли Сяохо, — нарушил молчание Минну, — почему старейшина считает меня опрометчивым? Я ведь никогда не принимаю решений сгоряча.

Среди всех учеников академии Минну славился своим поистине безграничным терпением, и это ни для кого не было секретом.

Ли Сяохо обернулся и посмотрел на него сквозь прорези маски. Он никогда не обращал внимания на внешность людей и не замечал, как расцвела красота его спутника за эти годы.

Для него Минну остался прежним — разве что стал немного выше ростом, да голос утратил детские нотки.

— В твоём сердце... кроется глубокая привязанность, — веско, с напускной важностью произнёс Ли Сяохо.

Минну растерялся, испугавшись, что собеседник угадал его сокровенные мысли.

— Какая ещё привязанность? — поспешно спросил он. — Я и сам не знаю ни о чём подобном. О чём ты говоришь?

Поняв, что уловка удалась и Минну попался на крючок, Ли Сяохо отвернулся:

— Свои тайны каждый должен открывать сам.

— Неужели? — Минну не на шутку заинтересовался. — И как только тебе удаётся подмечать такие вещи?

— Смотри у меня, если ты просто разыгрываешь меня, я больше не буду считать тебя своим лучшим другом!

Ли Сяохо лишь многозначительно промолчал.

«Лучший друг, как же! Все эти три года это звание налагало на меня одно лишь наказание: то бегай за сладостями для Минну, то ухаживай за ним во время болезней, то утешай в минуты тоски, а то и вовсе таскай горячую воду для ванночек, когда этот неженка сотрет ноги на тренировках»

Пожалуй, за три года он сполна отдал этот долг. Пора бы уступить это почётное место кому-нибудь другому.

Поняв по молчанию этого упрямца, о чём тот думает, Минну притворно надулся и не заговаривал с ним до самого возвращения в их общий двор. Но едва они переступили порог дома, любопытство взяло верх:

— Так когда мы отправляемся?

— Сегодня ночью, — коротко бросил Ли Сяохо.

Путь до округа Личжоу занимал добрых десять дней. Принимаясь за сборы, Минну с удивлением обнаружил, сколько всякого скарба накопилось у него за три года обучения.

Выбросить памятные мелочи не поднималась рука, поэтому его дорожный мешок раздулся до внушительных размеров.

Ли Сяохо же, напротив, путешествовал налегке: за его спиной висел верный клинок, а в узелке лежала лишь смена одежды.

С наступлением сумерек они спустились к подножию горы, где их уже ждали старейшина Сюймэнь и другие ученики. Минну все три года держался особняком, общаясь почти исключительно с Ли Сяохо, но сегодня проводить их собралась вся академия.

— Цзянь Минну, Ли Сяохо, доброго вам пути!

— Слыхали? В лавках у подножия горы уже продают повести о ваших подвигах! Писаки прозвали вас «Черно-белым дуэтом демонов». Пишут, будто вы являетесь всюду, где бесчинствует нечисть, и безжалостно разите зло!

— Да-да, я тоже читал! — подхватил другой ученик. — По всей академии книга ходит! Один из вас — холодный и беспощадный, другой — кроткий, точно весенний цветок. Один — потомок божественного посланника, другой — избранник самого Повелителя призраков!

Толпа дружно расхохоталась. Минну тоже не удержался от улыбки:

— Признавайтесь, это ведь кто-то из наших сочинил? Надеюсь, «кротким весенним цветком» нарекли меня?

— А то кем же! — воскликнул шутник. — Наш Минну всегда был само очарование. Эх, жаль, что ты уезжаешь, мы ведь так и не успели толком наговориться.

— Хватит тебе паясничать, — прервал его старший ученик. — Берегите себя в дороге, ребята.

— Провожаем вас под бледным лунным светом, но верю, что однажды мы вновь соберёмся под сенью небесных чертогов!

— До скорой встречи!

Поздней ночью они взошли на борт небольшого речного судна. За ночь река доставила их к границам Фэнчжоу, к пристаням города Цишэн.

— Призрачное божество Посо... — негромко читал Минну при свете тусклого фонаря, листая старинный свиток, пока лодка мирно покачивалась на волнах. — Личжоу стал местом его гибели. Легенда гласит, что Посо разверз бушующие воды наводнения, а его плоть обратилась в скалы и землю, преградив путь губительным потокам с Восточных гор.

В пути Минну старательно изучал предания о таинственном хранителе этих мест. В каюте было темно, и лишь одинокая свеча на столе бросала на страницы неровные, дрожащие тени.

— Вдруг всё это не простое совпадение? — Минну поднял глаза на спутника. — Недавно в одной древней книге я прочёл, что Девять провинций возникли из тел Девяти бессмертных, преданных слуг верховного божества, которые пожертвовали собой, чтобы запечатать врата подземного царства... К тому же, во время наших прежних испытаний мы не раз сталкивались с пробуждением древних местных духов.

Огонёк свечи испуганно дрогнул. Из-под стола, тихо скребя когтями доски, поползла маленькая, круглая чернильно-чёрная тень. Очертаниями она напоминала упитанного младенца, но вместо обычного лица на её голове застыл жутковатый лик младенца-призрака — точь-в-точь как маска Ли Сяохо.

Однако у этой крошечной твари были собственные глаза — две пустые светящиеся точки, придававшие ей на удивление глуповатый вид. Забавно покачивая круглым задом, существо взобралось на стул и, приблизившись к уху Минну, издало странный, скрипучий смешок.

— Думаешь, кто-то намеренно использует силу здешней нечисти в своих целях? — подал голос Ли Сяохо.

Минну давно перестал бояться этого существа. Младенец-призрак был домашним духом Ли Сяохо, и звали его Эргуэнь. Минну ума не мог приложить, зачем другу понадобилось приручать эту нечисть: толку от мелкого призрака не было никакого. Большую часть времени он прятался в тени, а когда выбирался, то лишь пугал прохожих, воровал лакомства со стола да пакостил где попало.

Стоило им столкнуться с по-настоящему опасной тварью, как храбрость Эргуэня мгновенно испарялась, и он с жалобным писком прятался за спину Минну.

Имя «Ли Эргуэнь» ему тоже дал хозяин. Минну втайне сочувствовал будущим детям Ли Сяохо: с таким талантом давать имена их ждала незавидная участь.

— Именно, — кивнул Минну. — Мне кажется, мы упускаем из виду нечто крайне важное. Какую-то связующую нить, которую мы пока просто не способны разглядеть.

Пока они беседовали, Эргуэнь осмелел и взобрался к Минну на колени. Убедившись, что прогонять его никто не собирается, маленький дух скосил глазки на тарелку со сладостями, протянул лапку и осторожно утащил один кусочек.

Запихнув угощение в бездонный чёрный рот, малыш довольно зачавкал, а затем тоненьким детским голоском пролепетал:

— Мама-братик...

Минну застыл с каменным лицом. Всё началось неделю назад, когда он сдуру позволил Эргуэню посидеть рядом, пока читал театральную пьесу. С тех пор мелкий пакостник не только перенял язвительный смех злой мачехи, но и повадился звать его «мамой».

— Я тебе не мама, — вздохнул Минну, ткнув пальцем в сторону хмурого юноши в чёрном. — Вот твоя мама.

— Дедушка не мамочка! — пискнул Эргуэнь.

Минну лишился дара речи.

Семейное древо в исполнении призрачного младенца выглядело полной катастрофой. Если Ли Сяохо — дедушка, а Минну — братик, то кем они приходятся друг другу? Очевидно, Ли Сяохо сам втайне научил духа этой нелепице, заставив называть себя дедом, а Минну — братом. Никакого уважения к приличиям!

Два сапога пара — один краше другого.

Чернильный комочек свернулся у него на руках, крошечными ручками вцепившись в шёлковый край рукава. На ощупь он был мягким и тёплым, совсем как настоящий ребёнок, и в такие моменты казался даже милым.

О том, в какое чудовище Эргуэнь превращался, когда злился, Минну предпочитал просто не вспоминать.

Быстро покончив с лакомством, дух сладко зевнул и мгновенно уснул, уткнувшись носом в живот Минну.

Когда судно плавно заскользило вдоль причала Цишэна, дух так и не проснулся. Обычно перед выходом на люди он спешил спрятаться в тень хозяина, но сейчас, уловив шум многолюдной пристани, Эргуэнь просто вострепнулся и обернулся пушистым чёрным котёнком.

В итоге перед изумлённой толпой на пристани предстала следующая картина.

Сходни опустились, и на берег сошли двое заклинателей с мечами за плечами. Впереди ступал прекрасный юноша в белоснежных одеждах, чья утончённая, нежная красота напоминала распутившийся лотос. На руках он бережно нёс чёрного как ночь котёнка и ласково поглаживал его пальцами, пока пушистый хвост мерно покачивался, обвивая запястье хозяина. Юноша казался сошедшим со старинного свитка небожителем.

Следом за ним бесшумно двигался его спутник, чьё тёмное одеяние с багряным воротом резко контрастировало со светлым шёлком впереди идущего. Лицо его скрывала причудливая маска младенца-призрака, но даже без единого проблеска мимики от него веяло пугающим, ледяным спокойствием, а тёмный взор казался бездонным омутом, готовым в любой миг поглотить случайного прохожего.

Стоило им сойти на деревянные настилы, как к ним поспешно направился приветливый слуга в дорогих одеждах, на которых красовалась изящная вышивка в виде плывущих по облакам кораблей. Почтительно поклонившись, он спросил:

— Прошу простить мою дерзость, господа заклинатели, не вы ли держите путь на Великое собрание Пути бессмертных?

— Мой хозяин, молодой господин из великого клана Чжоу из Цишэна, прослышал о вашем прибытии и покорнейше просит вас оказать честь нашему скромному дому. В поместье уже накрыты столы, и господин с нетерпением ожидает встречи.

<http://bllate.org/book/20439/2208792>